

В своей книге «Небо войны» прославленный воздушный ас – маршал авиации трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин так пишет об одном из своих боевых товарищей, с которым неоднократно встречался и воевал бок о бок на различных фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: «Там (за столом. – *Прим. В. В.*) я увидел этого скромного, молчаливого, державшегося как-то в стороне капитана, имя которого в эти дни было самым популярным среди лётчиков. Эту славу он добыл не только своими воздушными боями, которых провёл десятки, но и героическим поступком». Известный стране военный лётчик имел в виду бой в районе села Александровка Ростовской области, где самолёт капитана, о котором упомянул в книге прославленный ас, потерял управление после того, как таранил немецкого корректировщика FW-189. Лётчик покинул кабину истребителя и попал, потеряв сознание при приземлении, в плен, бежал от конвоиров из вагона движущегося поезда, воевал в партизанском отряде, затем вернулся в авиаполк и продолжал воевать под известным нашим и фашистским лётчикам позывным «Сокол-17». Об этих, как и других, героических страницах фронтовой биографии лётчика-истребителя более подробно можно прочитать в книге Д. Я. Зильмановича «На крыльях Родины» (Алма-Ата, 1985).

Имя советского аса стало невероятно популярным среди лётно-технического состава по обе стороны фронта, обросло небылицами, легендами, мифами и, по мнению вражеских радиоголосов, служило «наиболее ярким примером русской кровожадности, агрессии и коварства».

Боевым мастерством однокурсника по Чугуевскому военно-авиационному училищу восторгался и Маршал авиации трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб в своей книге «Верность Отчизне». Через четверть века после описанной Маршалом авиации А. И. Покрышкиным встречи командир полка «Нормандия – Неман» Луи Дельфино пришлёт письмо герою моей публикации, в котором будут и строки о том, что встреча ветеранов их авиаполков «кроме удовлетворения принесла ещё и сердечную радость: снова встретил тебя, вспомнил с тобой несколько эпизодов из жизни, когда мы были вместе на фронте. Дружба, возникшая во время войны, вечна. Она настолько крепка, что не нуждается в каких-либо дополнительных заверениях. Между тем, кто станет отрицать полезность личных контактов с друзьями, которые в годы тяжёлых испытаний никогда не теряли надежды на лучшее будущее!»

Как мне кажется, было бы целесообразно упомянуть имя ещё одного воздушного аса – это генерал-майор авиации Герой Советского Союза Михаил Андреевич Живолуп, который на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. командовал 126-м гвардейским Молодечнен-

ским ордена Александра Невского бомбардировочным авиаполком. В 70-е годы предыдущего столетия мне посчастливилось проходить офицерскую службу в этом соединении, унаследовавшем Боевое Знамя, Почётное наименование, награды знаменитого авиаполка. В период работы по созданию Музея боевой славы этого соединения имел честь встречаться со многими ветеранами-фронтовиками, в том числе и с генералом М. А. Живолупом. Как-то во время беседы он упомянул фамилию командующего нашим 2-м оперативным объединением Войск ПВО

СССР, в состав которого входила и наша зенитно-ракетная бригада ВПВО. «Сдержанный в словах и решительный в действиях», – так коротко охарактеризовал своего фронтовика-собрата мой визави. Необходимо заметить, что прославленные воздушные асы А. И. Покрышкин, Луи Дельфино, М. А. Живолуп и многие другие, среди которых находился и ещё пока неназванный мною герой этой публикации, относились к числу тех, кто были участниками воздушных боёв над территорией Восточной Пруссии. Частью этой земли сегодня является наша Калининградская область, или, как её чаще любовно называют жители и гости региона, – Янтарный край.

Вот теперь настало время назвать имя того, кто стоял у истоков становления и развития военно-воздушных сил ПВО и был в 60-е годы прошлого столетия командующим 2-й отдельной армии Войск ПВО (г. Минск), а затем и 8-й ОА ВПВО (г. Киев). Моё первое знакомство с тогдашним командующим 2-й ОА ВПВО СССР дважды Героем Советского Союза генерал-лейтенантом В. Д. Лавриненковым (1919–1988) произошло в начале осени 1966 года, когда наша небольшая группа молодых лейтенантов-политработников прибыла для дальнейшего прохождения службы в столицу БССР. Там, в г. Минске, в те годы размещался штаб объединения Войск ПВО. Все мы тогда были выпускниками Вильнюсского радиотехнического училища Войск противовоздушной обороны страны, которых после завершения учёбы и присвоения офицерских званий, встреч и собеседований с кадровиками, представителями ГлавПУРа и затем полуторамесячной переподготовки направили в объединения, соединения и части Войск ПВО СССР. Задачей же этого объединения, куда мы получили назначение, было «осуществление прикрытия западного и северо-западного стратегических направлений, защита от нападения с воздуха городов и стратегических военных объектов на территории БССР и Прибалтийских республик». Состояло объединение из двух корпусов ПВО и 3-й дивизии противовоздушной обороны страны. Как выяснилось из беседы с членом Военного совета генералом В. Д. Кулигиным, в кабинет которого нас сопровождал дежурный офицер штаба, каждый из нас, выпускников-виленцев, уже был распределён для дальнейшего прохождения офицерской службы либо в 11-й корпус (штаб г. Барановичи), или в 27-й корпус (штаб г. Рига). Моя же фамилия числилась с одним из сокурсников в числе тех, кого назначили для дальнейшего прохождения службы в 3-ю дивизию ПВО (штаб этой дивизии был к тому дню уже переведён из г. Балтийска в г. Калининград). После знакомства и короткой беседы с каждым из нас член Военного совета пригласил молодых лейтенантов пройти в другой кабинет для представления командующему объединением генерал-лейтенанту В. Д. Лавриненкову. Несмело, «гуськом», или, говоря точнее, – в колонну по одному, мы последовали за генералом Кулигиным по широкому коридору в другой кабинет. Ненадолго задержались в приёмной, куда вслед за генералом вошли и расселись на стульях, стоящих вдоль двух стен. Генерал Кулигин и адъютант исчезли за дверями, ведущими в кабинет командующего. Через несколько минут мы услышали голос его хозяина: «Пригласи, дорогой, наших комиссаров!» Услышав это вышедшее из употребления ещё в годы войны должностное звание, мы между собой переглянулись и с облегчением сбросили с себя чувство возникшей с первых минут нахождения в штабе объединения некоей робости и даже боязни от предстоящей встречи. И это было не столь уж удивительно, ибо от многих офицеров и сверхсрочнослужащих нам ранее доводилось неоднократно слышать рассказы о суровом нраве командующего. Но реальность оказалась иной и, более того, совершенно противоположной. Разговор получился невероятно откровенным, душевным и обоюдно заинтересованным.

За более чем часовую беседу с прославленным асом и известным военачальником в кабинет неоднократно заглядывал адъютант, сообщавший генералу о телефонных звонках или неких посетителях. Однако командующий на его доклады неизменно повторял одно, что считает встречу и беседу с нами наиболее значимым событием дня. Конечно, друзья моего детства – это дети войны, чьими учителями, первым воспитателями, а потом и первыми командирами были фронтовики. Для нас, как и для большинства ровесников и товарищей по школе, институту, военному училищу и дальнейшей офицерской службе, поколение офицеров-фронтовиков всегда было не только преподавателями, но и личным жизненным примером соблюдения морально-нравственных принципов, отношения к таким высоким понятиям, как честь, долг и мужество. Этому способствовала и вся государственная система воспитания, образования, культуры. В те теперь уже далёкие 50–70-е годы предыдущего столетия почти в каждом доме можно было увидеть книги из серии «Военные мемуары» (ВМ), поэтические сборники поэтов-фронтовиков или «лейтенантскую» прозу.

С волнением и восхищением просматривая замечательные фильмы тех послевоенных лет, повествующие о героизме советского народа в годы Великой Отечественной войны, невозможно было представить, что не пройдёт и полвека, как наступит вакханалия беспамятства, что вновь на историческую арену выйдет фашистская нечисть и их сателлиты, что цивилизованные европейцы станут сносить памятники погибшим воинам СССР, принёсшим им свободу и независимость от фашистской чумы, что народы некогда единого содружества через прицелы орудий начнут смотреть друг на друга...

У моего талантливой друга – поэта и актёра, советника губернатора края по культуре, сценариста и журналиста Валерия Петровского (1941–2011) в сборнике «Какая формула у смеха и у плача?!» есть замечательное стихотворение (стихотворение было написано в начале 80-х годов предыдущего столетия), которое частенько вспоминаю и привожу на встречах с молодёжью, особенно в связи с 75-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Оно не столь уж велико, но невероятно правдиво и точно отражает отношение «детей войны» к поколению родителей-фронтовиков: «В сороковых мы родились / И нам самим давно за 40. / Не просто эхом в нашу жизнь / Войны врывались дым и всполох... / В нас живы все её бои / Невозвращеньем самых близких. / Стоят, как храмы на крови, / В их честь и память обелиски!.. // В сороковых мы родились, / Отцов погибших старше вдвое... / Мы их мечты свершить взялись. / А это дело непростое: / Не всё нам в жизни удалось, / И мы за многое в ответе. / А что сбылось и не сбылось / За нас оценят наши дети... // «Сороковые – роковые!» – / Эпиграф наших детских лет. / А мы наследники живые / И всех потерь, и всех побед!»

В приведённых стихотворных строках моего замечательного друга нет описания батальных сцен и тяжкого быта войны. Уверен, что он, как и я, не так уж много слышал живых рассказов и воспоминаний от старшего поколения, прошедшего дорогами войны. Не помню, чтобы мой отец-фронтвик когда-либо, несмотря на все просьбы детей или родных, рассказывал о войне. Так же вели себя и однополчане отца, собиравшиеся за праздничным столом в нашей квартире. Лишь изредка кто-либо из боевых друзей-офицеров Сергея Вахрамеева, по какому-либо поводу, упоминал некий смешной эпизод фронтовой жизни, и мгновенно вся квартира сотрясалась от оглушительного хохота этих молодых ещё людей, прошедших через горнило войны. Вероятно, не только я, но и сослуживцы-офицеры поколения, рождённого в конце 30-х – начале 40-х годов, не в силах будут вспомнить рассказы о боевых подвигах из уст дважды Героя Советского Союза генерал-полковника В. Д. Лавриненкова. По своей скромности и сдержанности в воспоминаниях о фронтовых буднях он напоминал мне отца и его боевых друзей. Однако это не мешало нашему командующему объединением быть человеком общительным и невероятно активным. Он постоянно лично инспектировал соединения и воинские части, принимал участие в занятиях, подведении итогов учёбы и боевого дежурства, вместе с членом Военного совета принимал активное участие в партийно-комсомольских конференциях и сборах актива. Но больше всего меня поражала его феноменальная память на людей, уважительное отношение к подчинённым независимо от их званий и должностей. Так, через год после нашей первой встречи мне довелось принять участие в партийной конференции объединения. К тому времени подразделение, в котором проходил службу в должности заместителя командира, завоевало, в числе одного из первых в объединении, звание отличного, отличилось на тактических учениях стран – участниц Варшавского Договора. Командующий во время вручения Почётной грамоты публично напомнил мне и делегатам, заполнившим великолепный зал Окружного Дома офицеров столицы Белоруссии, некие, на мой взгляд, весьма незначительные детали нашей первой встречи...

Уверен, что военнослужащие, проходившие воинскую службу в Войсках ПВО страны, и члены их семей, а с ними жители республик и областей, находившихся на западных рубежах СССР, помнят напряжённые недели и месяцы 1968 года, которые завершились вводом наших войск в ЧССР в конце августа. Среди воинских частей, расквартированных на территории Чехословакии, была и наша радиотехническая часть, в которую меня накануне ввода войск назначили заместителем командира. По возвращении на родину командующий 2-й ОА ВПВО дважды Герой Советского Союза генерал-полковник В. Д. Лавриненков организовал встречу с командирами частей, подразделений и их заместителями, на которой вручил мне медали СССР и ЧССР за образцовое выполнение интернационального долга. Были и ещё несколько коротких встреч с легендарным военачальником. Однако после тяжёлой болезни, операции и продолжительного лечения наш командующий был переведён на равнозначную должность в Киевскую отдельную армию Войск ПВО страны.

Своим чередом в те 60–70-е годы шла и моя офицерская служба: с партийно-политической работы в радиотехнической части состоялся перевод на культурно-просветительскую работу в прославленное зенитно-ракетное соединение. С невероятным энтузиазмом я окунулся в работу по созданию первого военного оркестра в нашем соединении и музея боевой славы гвардейцев. Открытие музея совпало с инспекторской проверкой боевого дежурства, состояния воинской дисциплины, боевой и политической подготовки соединения, по завершению которой комиссия ознакомилась с его экспонатами. В одной из комнат музея внимание члена Военного совета 2-й ОА ВПВО генерала Р. Ф. Вертаева привлекли стенд и витрина, посвящённые Героям Советского Союза, чьи судьбы были связаны с нашим гвардейским ордена Александра Невского соединением. После завершения экскурсии генерал приказал построить личный состав оркестра, поблагодарил всех и вручил Почётные грамоты. Более того, он передал в дар музею книгу уже бывшего нашего командующего дважды Героя Советского Союза генерала-полковника В. Д. Лавриненкова. Но самой приятной неожиданностью было вручение мне второго экземпляра книги «Возвращение в небо». На титульном листе этой книги, вошедшей в популярную в те 70-е годы серию «Военные мемуары», он оставил памятную запись: «Гвардии капитану Вл. Вахрамееву с пожеланием всегда помнить слова А. В. Суворова, что храбрость, бодрость и мужество будут тщетны, ежели не будут истекать от искусства».

Сегодня, когда некоторые западные политики стараются извратить или замолчать правду о победителях в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., особенно актуальны стали рассказы и воспоминания участников тех кровавых дней и событий. Вот как писал Владимир Лавриненков об экскурсии лётчиков его полка накануне штурма г. Берлина в польский город Познань: «В тот день впервые прогулялись по улицам заграничного города. В Познани не было никаких разрушений, будто война обошла её стороной. В городе уже открылись магазины, кинотеатры, базары, костёл звал к себе верующих утренним звоном. Мы с интересом осматривали дома, витрины магазинов, вглядывались в лица местных жителей. Интересно, что они думают о происходящем, как относятся к нам? Позже мы имели возможность убедиться, что пострадавший польский народ, как и народы других освобождённых от фашизма стран, видел в нас своих спасителей, которые принесли им покой, мир, счастье. Это очень окрыляло нас, помогало глубже понять значение великой освободительной миссии советского народа» (*Лавриненков В. Д. Возвращение в небо.* – М.: Воениздат, с. 223–224).

Необходимо заметить, что перу нашего бывшего командующего 2-й ОА Войск ПВО дважды Героя Советского Союза генерал-полковнику В. Д. Лавриненкову принадлежат несколько книг, среди которых такие, как: «Без войны», «Сокол-1», «Сокол-2» и др. Кроме этих книг, Лавриненков совместно с журналистом Беловолом написал и издал такие произведения, как: «Колокола памяти», «Шпага чести: Повесть о полке “Нормандия – Неман”». Среди моих журналистских записок сохранился эпизод, вошедший в одну из книг писателя и знаменитого воздушного аса, о встрече с однополчанином Героем Советского Союза А. Н. Карасёвым, который при прощании сказал: «Хочу одного... Хочу, чтобы им (т. е. будущим поколениям) никогда не пришлось пережить то, что выпало нашему поколению... Думаю, ради этой цели любой из нас, ветеранов, не пожалеет жизни».

